

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности положений статей 20 и 21
Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и
обвиняемых в совершении преступлений» в связи с жалобами
граждан Д.Р.Барановского, Ю.Н.Волохонского и И.В.Плотникова

город Санкт-Петербург

29 ноября 2010 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе
председательствующего – судьи Н.В.Мельникова, судей Ю.М.Данилова,
В.Д.Зорькина, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, С.М.Казанцева, М.И.Клеандрова,
А.Н.Кокотова, Н.В.Селезнева,

с участием гражданина И.В.Плотникова, представителя гражданина
Д.Р.Барановского – адвоката О.А.Писарева, представителя гражданина
Ю.Н.Волохонского – адвоката М.А.Хырхырьяна, постоянного представителя
Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации
А.Н.Харитонova, полномочного представителя Совета Федерации в
Конституционном Суде Российской Федерации А.И.Александрова,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской
Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3,
пунктом 3 части второй статьи 22, статьями 36, 74, 86, 96, 97 и 99
Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде
Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности положений статей 20 и 21 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

Поводом к рассмотрению дела явились жалобы граждан Д.Р.Барановского, Ю.Н.Волохонского и И.В.Плотникова. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителями законоположения.

Поскольку все жалобы касаются одного и того же предмета, Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь статьей 48 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», соединил дела по этим жалобам в одном производстве.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Ю.М.Данилова, объяснения представителей сторон, выступления приглашенных в заседание представителей: от Министерства юстиции Российской Федерации – В.В.Карпова, от Генерального прокурора Российской Федерации – Т.А.Васильевой, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. В соответствии с Федеральным законом от 15 июля 1995 года № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, разрешается вести переписку с родственниками и иными лицами без ограничения числа получаемых и отправляемых телеграмм и писем; переписка подозреваемых и обвиняемых осуществляется только через администрацию места содержания под стражей и подвергается цензуре; цензура осуществляется администрацией места содержания под стражей, а в

случае необходимости лицом или органом, в производстве которых находится уголовное дело (части первая и вторая статьи 20); предложения, заявления и жалобы подозреваемых и обвиняемых, адресованные прокурору, в суд или иные органы государственной власти, которые имеют право контроля за местами содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых, Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации, уполномоченным по правам человека в субъектах Российской Федерации, в Европейский Суд по правам человека, цензуре не подлежат и не позднее следующего за днем подачи предложения, заявления или жалобы рабочего дня направляются адресату в запечатанном пакете; предложения, заявления и жалобы, адресованные в другие органы государственной власти, общественные объединения, а также защитнику, должны быть рассмотрены администрацией места содержания под стражей и направлены по принадлежности не позднее трех дней с момента их подачи (части вторая и третья статьи 21).

1.1. Лефортовский районный суд города Москвы, отказывая в удовлетворении заявления гражданина Д.Р.Барановского, обвиняемого в совершении преступления, об оспаривании действий сотрудников администрации следственного изолятора, выразившихся в изъятии листа бумаги с рукописным текстом, содержащим замечания по расследуемому в отношении заявителя уголовному делу, который был передан им адвокату в ходе свидания в следственном изоляторе, сослался на статью 20 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», как не допускающую переписки обвиняемого, в отношении которого избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, без осуществления цензуры.

Исходя из этой же нормы, администрация следственного изолятора не согласилась с доводами содержавшегося под стражей гражданина Ю.Н.Волохонского – обвиняемого по уголовному делу и его защитника – адвоката И.В.Плотникова относительно необходимости не подвергать

цензуре их переписку, поскольку в ней содержатся сведения, составляющие адвокатскую тайну, и отказала в удовлетворении их письменных ходатайств об обеспечении в отношении этой переписки порядка направления и получения корреспонденции, который предусмотрен частью второй статьи 21 данного Федерального закона. Кроме того, проверками, проведенными прокуратурой Ростовской области и Федеральной службой исполнения наказаний, действия сотрудников администрации следственного изолятора, которые пресекли попытку И.В.Плотникова передать в ходе свидания составленный им документ Ю.Н.Волохонскому для получения подписи, были признаны соответствующими требованиям Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

1.2. Как утверждают заявители, статьи 20 и 21 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», позволяя администрации места содержания под стражей подвергать цензуре переписку обвиняемого в совершении преступления со свободно избранным им адвокатом (защитником), ограничивают права, гарантированные статьями 46 и 48 Конституции Российской Федерации, поскольку лишают обвиняемого возможности получить квалифицированную юридическую помощь, а защитника – предоставить таковую, и противоречат статьям 6 и 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в их понимании Европейским Судом по правам человека.

Кроме того, установленный оспариваемыми законоположениями порядок переписки между обвиняемым и адвокатом (защитником) является, по мнению заявителей, дискриминационным по сравнению с порядком переписки обвиняемого с судом, прокурором, иными органами государственной власти, приводит к нарушению гарантированных статьей 23 Конституции Российской Федерации права на тайну переписки и права на тайну частной жизни, а также представляет собой неправомерное отступление от общепризнанных принципов и норм международного права,

являющихся составной частью правовой системы Российской Федерации, и тем самым противоречит статьям 15 и 17 Конституции Российской Федерации.

1.3. В соответствии со статьями 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации по жалобам граждан на нарушение их конституционных прав и свобод законом проверяет конституционность оспариваемых законоположений только в той части, в какой они были применены или подлежат применению в деле заявителя, и принимает решение по делу, оценивая как буквальный смысл этих законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием и сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм.

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются нормативные положения статей 20 и 21 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» в части, регулирующей осуществление администрацией места содержания под стражей цензуры переписки подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, со своими адвокатами (защитниками).

2. Согласно статье 48 (часть 2) Конституции Российской Федерации каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения. Данное право, будучи одним из проявлений более общего права, гарантированного каждому статьей 48 (часть 1) Конституции Российской Федерации, – права на получение квалифицированной юридической помощи, служит для этих лиц гарантией осуществления других закрепленных в Конституции Российской Федерации прав – на защиту своих

прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом (статья 45, часть 2), на судебную защиту (статья 46), на разбирательство дела судом на основе состязательности и равноправия сторон (статья 123, часть 3).

Право на получение квалифицированной юридической помощи и, соответственно, право пользоваться помощью адвоката (защитника) признаются и гарантируются в Российской Федерации согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации в числе других прав и свобод человека и гражданина, которые являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, обеспечиваются правосудием и признание, соблюдение и защита которых составляют обязанность государства (статьи 1, 2, 17 и 18 Конституции Российской Федерации).

2.1. Необходимой составляющей права пользоваться помощью адвоката (защитника) как одного из основных прав человека, признаваемых международно-правовыми нормами (статья 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод), является обеспечение конфиденциальности сведений, сообщаемых адвокату его доверителем и подлежащих защите в силу положений Конституции Российской Федерации, которые гарантируют каждому право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (статья 23, часть 1), запрещают сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия (статья 24, часть 1).

Приведенные конституционные положения, равно как и корреспондирующие им положения статьи 17 Международного пакта о гражданских и политических правах и статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, исключаящие возможность произвольного вмешательства в сферу индивидуальной автономии личности, обязывают

государство обеспечить в законодательстве и правоприменении такие условия гражданам для реализации конституционного права на квалифицированную юридическую помощь, а лицам, ее оказывающим, в том числе адвокатам, – для эффективного осуществления их деятельности, при наличии которых гражданин имеет возможность свободно сообщать адвокату сведения, которые он не сообщил бы другим лицам, а адвокату – возможность сохранить конфиденциальность полученной информации (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 января 1997 года № 2-П, определения Конституционного Суда Российской Федерации от 6 июля 2000 года № 128-О, от 8 ноября 2005 года № 439-О и от 29 мая 2007 года № 516-О-О).

Обеспечение конфиденциальности информации, сообщаемой клиентом своему адвокату, рассматривается Кодексом поведения для юристов в Европейском сообществе (принят Советом коллегий адвокатов и юридических сообществ Европейского Союза 28 октября 1988 года) в качестве одного из основных ориентиров и существенных признаков адвокатской деятельности. Требования, обусловленные обязанностью адвокатов и адвокатских образований хранить адвокатскую тайну и обязанностью государства создать для этого надлежащие условия, нашли отражение в Своде принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (приняты Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1988 года). Так, согласно принципу 18 задержанному или находящемуся в заключении лицу предоставляется необходимое время и условия для проведения консультаций со своим адвокатом; право задержанного или находящегося в заключении лица на его посещение адвокатом, на консультации и на связь с ним без промедления или цензуры и в условиях полной конфиденциальности не может быть временно отменено или ограничено, кроме исключительных обстоятельств, которые определяются законом или установленными в соответствии с законом правилами, когда, по мнению судебного или иного органа, это необходимо

для поддержания безопасности и порядка; свидания задержанного или находящегося в заключении лица с его адвокатом могут иметь место в условиях, позволяющих должностному лицу правоохранительного органа видеть их, но не слышать. Основные принципы, касающиеся роли юристов (приняты восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями 7 сентября 1990 года), также обязывают правительства признавать и обеспечивать конфиденциальный характер любых консультаций и отношений, складывающихся между юристами и их клиентами в процессе оказания профессиональной юридической помощи.

Отступление от указанных требований, в полной мере распространяющихся на отношения адвоката с подозреваемыми и обвиняемыми по уголовному делу, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, создавало бы предпосылки для неправомерного ограничения права на получение квалифицированной юридической помощи, искажения самого существа права на защиту, а также – в нарушение статей 24 (часть 1) и 51 (часть 1) Конституции Российской Федерации – для использования информации, конфиденциально доверенной лицом в целях собственной защиты только адвокату, вопреки воле этого лица в иных целях, в том числе как его свидетельствование против себя самого. Более того, поскольку само по себе заключение лица под стражу, как наиболее строгая мера пресечения, в максимальных пределах ограничивает его права, свободы и личную неприкосновенность, гарантии предоставления ему юридической помощи и обеспечение конфиденциальности сообщаемых им адвокату сведений приобретают особое значение.

2.2. Право заключенного под стражу лица на конфиденциальный характер отношений со своим адвокатом (защитником) как неотъемлемая часть права на получение квалифицированной юридической помощи не является абсолютным, однако его ограничения, сопряженные с отступлениями от адвокатской тайны, как следует из правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в его

решениях, в том числе в Постановлении от 14 мая 2003 года № 8-П и Определении от 8 ноября 2005 года № 439-О, допустимы лишь при условии их адекватности и соразмерности и могут быть оправданы лишь необходимостью обеспечения указанных в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации целей защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

В силу таких фундаментальных принципов, как верховенство права и юридическое равенство, вмешательство государства в конфиденциальный характер отношений, которые складываются в процессе получения подозреваемыми и обвиняемыми профессиональной юридической помощи адвоката (защитника), не должно быть произвольным и нарушать равновесие между требованиями интересов общества и необходимыми условиями защиты основных прав личности, что предполагает разумную соразмерность между используемыми средствами и преследуемой целью, с тем чтобы обеспечивался баланс конституционно защищаемых ценностей.

При соблюдении указанных условий и учитывая, что заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется в целях недопущения преступной деятельности подозреваемого или обвиняемого, его угроз свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожения доказательств либо воспрепятствования иным путем производству по уголовному делу, ограничения конфиденциальности отношений такого лица и его адвоката – для достижения этих целей и при наличии соответствующих достаточных оснований – могут рассматриваться в качестве допустимых и выражаться, в частности, в контроле за их перепиской со стороны администрации места содержания под стражей, лиц или органов, в производстве которых находится уголовное дело.

Аналогичной позиции придерживается Европейский Суд по правам человека при толковании применительно к цензуре корреспонденции подозреваемого или обвиняемого, адресованной адвокату, положений статьи

8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, не допускающей ограничение со стороны публичных властей права на уважение личной и семейной жизни граждан, их жилища и корреспонденции, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц.

Так, в постановлении от 25 марта 1992 года по делу «Кэмпбелл (Campbell) против Соединенного Королевства» отмечается, что такого рода корреспонденция, по общему правилу, защищена «адвокатской привилегией», ее вскрытие допустимо, только если у тюремной администрации есть разумные основания подозревать, что в ней содержится недозволенное вложение; но даже при наличии таких оснований письмо может быть вскрыто только в присутствии самого заключенного, являющегося его автором, но не должно быть прочитано; поскольку сохранение конфиденциальности в отношениях между адвокатом и его клиентом имеет приоритет перед абстрактной возможностью злоупотребления этой конфиденциальностью, чтение таких писем допустимо в исключительных случаях – только если у администрации есть обоснованное подозрение в том, что адвокат злоупотребляет своей привилегией на адвокатскую тайну и что такая переписка ставит под угрозу безопасность в тюрьме или по каким-то иным причинам имеет криминальный характер. В постановлении от 5 июля 2001 года по делу «Эрдем (Erdem) против Германии» Европейский Суд по правам человека еще раз подтвердил, что конфиденциальность переписки между заключенным и его защитником является основным правом личности и напрямую затрагивает ее право на защиту и что отступления от этого принципа могут допускаться лишь в исключительных случаях и

должны сопровождаться адекватными и достаточными гарантиями против злоупотреблений.

Опираясь на приведенные правовые позиции, Европейский Суд по правам человека в постановлении от 9 октября 2008 года по делу «Моисеев против России» указал, что переписка лица, находящегося под стражей, со своим адвокатом независимо от ее цели всегда является привилегированной; чтение писем заключенного, направляемых адвокату или получаемых от него, допустимо в исключительных случаях, когда у властей есть разумные основания предполагать злоупотребление этой привилегией в том смысле, что содержание письма угрожает безопасности пенитенциарного учреждения, безопасности других лиц или носит какой-либо иной преступный характер; практика же ознакомления администрации следственного изолятора со всеми документами, которыми обменивались заявитель и его защита, без обоснования предшествующими злоупотреблениями этой привилегией является избыточным и произвольным посягательством на права защиты.

2.3. Таким образом, в силу предписаний Конституции Российской Федерации, Конвенции о защите прав человека и основных свобод как составной части правовой системы Российской Федерации и основанных на них правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, а также исходя из международных обязательств Российской Федерации, вытекающих из ее участия в Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в том числе с учетом практики Европейского Суда по правам человека применительно к обеспечению права на помощь адвоката (защитника), цензура переписки подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей, с избранными ими адвокатами (защитниками) может иметь место лишь в исключительных случаях, при наличии у администрации места содержания под стражей обоснованных подозрений в злоупотреблении правом со стороны адвоката и в злонамеренном его

использовании со стороны лица, которому оказывается юридическая помощь.

Соответственно, гарантии конфиденциальности должны распространяться лишь на те отношения подозреваемых и обвиняемых со своими адвокатами (защитниками), которые не выходят за рамки оказания собственно профессиональной юридической помощи в порядке, установленном законом, т.е. не связаны с нарушениями ни со стороны адвоката, ни со стороны его доверителя, который, используя переписку с адвокатом, может угрожать свидетелям, другим участникам уголовного судопроизводства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу. Применительно к таким случаям нормативное регулирование, обеспечивая публичные интересы, должно предусматривать меры противодействия злоупотреблению правом.

Исходя из этого при установлении правового механизма осуществления конституционного права на помощь адвоката (защитника), условий и порядка его реализации, включая обеспечение гарантий конфиденциальности отношений содержащегося под стражей подозреваемого, обвиняемого со своим адвокатом (защитником), федеральный законодатель обязан, не допуская искажения существа данного права, злоупотребления им и введения таких ограничений, которые не согласовывались бы с конституционно значимыми целями, закрепленными в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, находить разумный баланс конституционно защищаемых ценностей, конкурирующих прав и законных интересов.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, конкретизируя гарантии конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи, устанавливает в качестве одного из принципов уголовного судопроизводства обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту, которое они могут осуществлять лично либо с помощью защитника и (или) законного представителя (статья 16). Согласно

данному Кодексу подозреваемые и обвиняемые вправе пользоваться помощью защитника, т.е. лица, осуществляющего в установленном порядке защиту их прав и интересов и оказывающего им юридическую помощь при производстве по уголовному делу, и иметь свидания с ним наедине и конфиденциально; соответствующими правами с момента допуска к участию в уголовном деле наделен защитник; в качестве защитников допускаются адвокаты (часть четвертая статьи 46, часть четвертая статьи 47, части первая и вторая статьи 49 и часть первая статьи 53).

Федеральный закон от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» также предусматривает право адвоката при оказании юридической помощи беспрепятственно встречаться со своим доверителем наедине, в условиях, обеспечивающих конфиденциальность (в том числе в период его содержания под стражей), без ограничения числа свиданий и их продолжительности (пункт 3 статьи 6) и закрепляет, что любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю, являются адвокатской тайной (пункт 1 статьи 8). Формулируя гарантии независимости адвоката, названный Федеральный закон устанавливает, в частности, что вмешательство в адвокатскую деятельность, осуществляемую в соответствии с законодательством, либо препятствование этой деятельности каким бы то ни было образом запрещаются, истребование от адвокатов, а также от работников адвокатских образований, адвокатских палат или Федеральной палаты адвокатов сведений, связанных с оказанием юридической помощи по конкретным делам, не допускается (пункты 1 и 3 статьи 18).

Следовательно, федеральный законодатель, закрепляя в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации и Федеральном законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», т.е. в специальных законах, принятых уже после вступления в силу Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в

совершении преступлений» (в 2001 году и 2002 году соответственно), конфиденциальный характер отношений, складывающихся в процессе оказания адвокатом юридической помощи, исходил из недопустимости осуществления цензуры переписки подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей, с избранными ими адвокатами (защитниками) в качестве общего правила.

Такое понимание соответствующих правоотношений, основанное на требованиях Конституции Российской Федерации и Конвенции о защите прав человека и основных свобод, отвечает обязательствам Российской Федерации, вытекающим из признания юрисдикции Европейского Суда по правам человека применительно к реализации подозреваемыми и обвиняемыми, содержащимися под стражей, права на помощь адвоката (защитника), и именно на такое понимание этих правоотношений ориентирует суды постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 года № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации», обязывающее их действовать в пределах своей компетенции таким образом, чтобы обеспечить выполнение обязательств Российской Федерации как участника Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

В судебной практике это подтверждается, в частности, решениями Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 2007 года и от 16 марта 2009 года, признавшего недействующими соответственно пункт 146 Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы (утверждены приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 14 октября 2005 года № 189) и пункт 141 Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел (утверждены приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации от 22 ноября 2005 года № 950) в части, касающейся использования защитником во время свидания с

подозреваемым или обвиняемым в следственных изоляторах технических средств связи, компьютеров, кино-, фото-, аудио-, видео- и множительной аппаратуры, а в изоляторах временного содержания – предметов и вещей, не запрещенных законом и необходимых для оказания квалифицированной помощи. Принимая данные решения, Верховный Суд Российской Федерации исходил из положений статей 48 (часть 2), 71 (пункты «в», «о») и 76 (часть 1) Конституции Российской Федерации и основанной на этих положениях правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которой все важнейшие элементы права на помощь адвоката (защитника), включая условия и порядок его реализации, должны быть установлены в уголовно-процессуальном законе, а не в ведомственных нормативных актах (Постановление от 25 октября 2001 года № 14-П). При этом в решении от 16 марта 2009 года подчеркивается, что как предоставление содержащемуся под стражей обвиняемому (подозреваемому) возможности непосредственного общения со своим защитником, так и предоставление защитнику возможности оказать квалифицированную юридическую помощь обвиняемому (подозреваемому) всеми средствами и способами, не запрещенными законом, являются, по смыслу статьи 48 Конституции Российской Федерации и корреспондирующих ей положений Международного пакта о гражданских и политических правах (подпункт «b» пункта 3 статьи 14) и Конвенции о защите прав человека и основных свобод (подпункты «b», «с» пункта 3 статьи 6), а также конкретизирующих их норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (часть первая статьи 16, пункт 11 части первой статьи 53 и пункт 1 части третьей статьи 86), существенными и неотъемлемыми элементами права на помощь адвоката (защитника).

4. Целевое назначение регулирования отношений, возникающих по поводу цензуры корреспонденции обвиняемых и подозреваемых, содержащихся под стражей, как следует из статей 20 и 21 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в

совершении преступлений» во взаимосвязи с положениями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, в том числе частью первой его статьи 97 «Основания для избрания меры пресечения» и статьей 108 «Заключение под стражу», – предотвращение преступлений, разглашения государственной или иной охраняемой законом тайны, передачи сведений, могущих помешать установлению истины по уголовному делу или способствовать совершению преступления, выполненных тайнописью, шифром, недопущение угроз свидетелю, другим участникам уголовного судопроизводства, уничтожения доказательств, воспрепятствования иным путем производству по уголовному делу.

Именно и только в этих целях администрация следственного изолятора вправе осуществить цензуру переписки подозреваемого или обвиняемого, в отношении которого избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, со своим адвокатом (защитником), при условии, что имеются достаточные и разумные основания предполагать наличие в переписке недозволенных вложений (что проверяется только в присутствии самого этого лица) либо имеется обоснованное подозрение в том, что адвокат злоупотребляет своей привилегией на адвокатскую тайну, что такая переписка ставит под угрозу безопасность следственного изолятора или носит какой-либо иной противоправный характер. В таких случаях администрация следственного изолятора обязана принять мотивированное решение об осуществлении цензуры и письменно зафиксировать ход и результаты соответствующих действий.

Что касается переписки подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей, с адвокатами, которая осуществляется с нарушением порядка, установленного названным Федеральным законом и предусматривающего, что любая переписка указанных лиц – как подлежащая, так и не подлежащая цензуре – осуществляется только через администрацию места содержания под стражей, то в случае выявления такого нарушения соответствующая корреспонденция безусловно должна подвергаться цензуре, поскольку ее

адресатами (или получателями) могут быть лица, содержащиеся в учреждениях, исполняющих наказания, переписка с которыми осуществляется только с разрешения лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело, либо родственники и иные лица, переписка с которыми подлежит цензуре.

5. Таким образом, положения статей 20 и 21 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», как элемент установленного действующим правовым регулированием – в рамках реализации статьи 48 Конституции Российской Федерации – порядка оказания адвокатом юридической помощи, должны рассматриваться не иначе как допускающие цензуру переписки подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей, со своими адвокатами лишь в тех случаях, когда у администрации следственного изолятора есть достаточные и разумные основания предполагать наличие в переписке недозволенных вложений либо имеется обоснованное подозрение в том, что адвокат злоупотребляет своей привилегией на адвокатскую тайну, что такая переписка ставит под угрозу безопасность следственного изолятора или носит какой-либо иной противоправный характер.

Иное понимание указанных законоположений означало бы нарушение требований Конституции Российской Федерации и Конвенции о защите прав человека и основных свобод как составной части правовой системы Российской Федерации, расходилось бы с основанными на этих требованиях правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации и не соответствовало бы международным обязательствам Российской Федерации, вытекающим из ее участия в Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в том числе с учетом практики Европейского Суда по правам человека применительно к обеспечению права на помощь адвоката (защитника).

Исходя из изложенного и руководствуясь частями первой и второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 79 и 100 Федерального конституционного

закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,
Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать взаимосвязанные положения статей 20 и 21 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», регулирующие осуществление администрацией места содержания под стражей цензуры переписки подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, со своими адвокатами (защитниками), не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку, по конституционно-правовому смыслу этих законоположений в системе действующего правового регулирования, цензура переписки лица, заключенного под стражу, со своим адвокатом (защитником) возможна лишь в случаях, когда у администрации следственного изолятора есть разумные основания предполагать наличие в переписке недозволенных вложений (что проверяется только в присутствии самого этого лица) либо имеется обоснованное подозрение в том, что адвокат злоупотребляет своей привилегией на адвокатскую тайну, что такая переписка ставит под угрозу безопасность следственного изолятора или носит какой-либо иной противоправный характер; в таких случаях администрация следственного изолятора обязана принять мотивированное решение об осуществлении цензуры и письменно зафиксировать ход и результаты соответствующих действий.

2. В силу статьи 6 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» выявленный в настоящем Постановлении конституционно-правовой смысл положений статей 20 и 21 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» является общеобязательным и исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

3. Правоприменительные решения, послужившие поводом для обращения граждан Д.Р.Барановского, Ю.Н.Волохонского и И.В.Плотникова в Конституционный Суд Российской Федерации, если они приняты на основании статей 20 и 21 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке при условии, что для этого нет иных препятствий.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Согласно статье 78 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете» и «Собрании законодательства Российской Федерации». Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный Суд
Российской Федерации